

Фундаментальные этики П. А. Кропоткина и Л. Н. Толстого и «новые этики» постмодерна

М. А. Арефьев, А. Г. Давыденкова, Н. Г. Коваленко

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет,
Российская Федерация, 196601, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 2

Для цитирования: *Арефьев М.А., Давыденкова А.Г., Коваленко Н.Г.* Фундаментальные этики П. А. Кропоткина и Л. Н. Толстого и «новые этики» постмодерна // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40. Вып. 2. С. 244–257. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.206>

Цель статьи — проанализировать нравственно-этические концепции П. А. Кропоткина и Л. Н. Толстого, ставших фундаментальными этиками русской социальной мысли начала XX столетия. Значение этих этик существенно для решения современных социокультурных проблем, насущных для российской государственности в постсоветское время. Кризис духовной сферы российского общества заставил решать вопросы сохранения традиционных ценностей путем законодательных актов и указов. Задачей данного исследования мы ставим выявление с помощью сложившихся парадигмальных подходов культурфилософских основ этических концепций отечественных мыслителей. Деление этики на фундаментальную и прикладную, т. е. профессионально ориентированную, выступает методологической основой нашего исследования. Новизна статьи состоит в том, что аргументированно доказывается тезис сверхактуальности фундаментальных этик Кропоткина и Толстого сегодня в условиях кризиса традиционных ценностей, охватившего все постсоветское пространство, включая Россию. В теоретико-методологическом плане это отразилось в концепте «новых этик». Одним из ведущих разработчиков данного понятия выступил постмодернист Мишель Фуко, который утверждал, что свобода есть онтологическое условие этики. Но этика, в свою очередь, — это та форма, которую принимает свобода в различных социально-экономических и политических условиях. Этика, таким образом, испытывает на себе влияние социума, но вместе с тем характеризуется социальной заостренностью. Это было продемонстрировано в этических воззрениях Кропоткина и Толстого, которые сегодня могут быть рассмотрены как антигега постмодернистским ценностям (забота о себе, т. е. эгоцентризм; концепт биовласти как управления массовым сознанием; расширение сексуальной свободы и пр.). Для Кропоткина социализация этики обусловлена принципом взаимопомощи в Природе и Обществе. Для Толстого общественная направленность этики вызвана всеобщностью человеческих чувств солидарности и справедливости, которые провозглашены в христианских заповедях блаженства. Моральный утилитаризм Толстого опирался на мысль о всеобщности принципа ненасилия, на философию социального блага.

Ключевые слова: фундаментальные и профессиональные этики, *новые этики* постмодерна, забота о себе, натуралистическая этика Кропоткина, моральный утилитаризм Толстого.

Введение

Этика как отрасль философского знания или, по Аристотелю, практическая философия, достаточно условно делится на этики фундаментального характера и этики прикладные, профессионально ориентированные. Именно содержание первых — фундаментальных этик — связано с основополагающими ценностями нравственного характера, которые составляют ядро личностных характеристик человека как целостности. Тогда как этики профессиональные, носящие прикладной характер, затрагивают лишь отдельные стороны материального и духовного мира личности. Они определяются своеобразием профессиональной деятельности, по сути являются фрагментарными согласно своим характеристикам. Наиболее известна в этом плане с античных времен профессиональная этика врача, или «Клятва Гиппократа», которая следует принципу «не навреди», обязанности соблюдения врачебной тайны и оказания помощи больному человеку вне его социальной роли и имущественного состояния. Позже появились этика судьи, педагогическая этика, трудовая этика и др. В последней четверти XX столетия в научный дискурс вошел концепт «новые этики», которые с позиции своих ценностных начал активно разрабатывались и продвигались сторонниками постмодерна (культура отмены, сексуальные свободы, крайняя феминизация, «забота о себе» и др.).

90-е годы прошлого столетия и начало XXI в. характеризуются кардинальной переоценкой прежней системы ценностей на территории бывшего Союза. Прежде всего это затронуло именно сферу русских традиционных ценностей и систему сформировавшихся и принятых обществом моральных норм. В наши дни современное российское общество пожинает плоды данного процесса переоценки духовных ценностей, генетически укорененных в нашей стране. Потребовался соответствующий указ президента России о защите и приоритете традиционных ценностей в сфере воспитания молодежи, в том числе и студенческой, что актуализировало данную проблему.

Практическая философия учит, что сама социокультурная природа делает человека предрасположенным к совершению добрых поступков, нежели злых. Подобного рода подход абсолютно не противоречит философско-антропологической концепции о происхождении индивида, его природе и свободной сущности. Процессы формирования и развития человека как субъекта социальных изменений протекали в русле как регулярного усиления традиционных природных факторов, так и факторов социальных. Они в совокупности и своей взаимообусловленности стали основой формирования личности, что подробным образом было проанализировано в трудах классика отечественного анархоколлективизма Петра Алексеевича Кропоткина. Как утверждает В. М. Артемов, «применительно к этическим взглядам Кропоткина зрелого периода можно говорить и об открытии своего рода “вторичной” нравственности, возвышающейся над той, что по существу вытекает из природных начал. Взаимопомощь выступает лишь основой, определяет общее нравственно-этическое измерение личности и общества. Высший уровень нравственности связывается как с общим прогрессом в обществе, ведущим к развитию чувства справедливости, равновесного самосдерживания, так и с достаточным развитием личности» [1, с. 226].

Отечественный ученый-естествоиспытатель и социальный философ в своих исследованиях указывал на проявление взаимной помощи еще на природном уровне как *минимума нравственности*. Взаимопомощь, по Кропоткину, есть та скрепа в социуме, которая стала ведущей социокультурной ценностью. В этом и заключаются натуралистические начала его системы нравственно-этических ценностей. Можно провести соответствующую аналогию между соединением исторического и философского подходов при «рассмотрении научных открытий» [2, с. 5], что сделало, например, Александра Койре выдающимся историком и методологом науки, а Петра Кропоткина — основоположником концепции естественных (природных) начал этики как практической философии.

С точки зрения Кропоткина, современное общество представляет собой целостный и органический механизм. Базисом его выступает инстинкт коммуникабельности, позаимствованный от животного мира [3]. Синтетическая философия Кропоткина опиралась при этом на естественно-научный материал петербургского ученого-естествоиспытателя К. Ф. Кесслера. Для Кропоткина начала взаимопомощи стали исходными в его монографии «Взаимная помощь как фактор эволюции». Последнее издание этого фундаментального труда выдающегося русского ученого было осуществлено в 2011 г. [4].

Натуралистическая этика П. А. Кропоткина: природные факторы и социальные основания

Русский ученый разработал концепцию натуралистической этики, которая основана на принципах естественной и социальной эволюции. Кропоткин выделял два основных фактора, влияющих на формирование моральных норм: социальные и природно-биологические. Социальные факторы включают институты, которые установлены обществом и определяют поведение людей внутри группы. Кропоткин утверждал, что моральные нормы и ценности, которые формируются в рамках группы и общества, основаны на взаимопомощи и сотрудничестве. В более широком контексте — это наличие принципа человеческой солидарности, «глубоко коренящегося в человеческом сознании и сердце, так как чувство это было воспитано всею нашею предыдущею эволюцией» [4, с. 259]. Однако важным также является природный фактор. Как ученый-естествоиспытатель Петр Алексеевич подчеркивал роль природных составляющих эволюции в процессе формирования этики и социального поведения людей. Кропоткин аргументированно доказывал, что в природе преобладают примеры взаимопомощи и кооперации, которые впоследствии послужили основой для появления норм общественной морали и ценностей нравственно-этического характера. А это уже социальные характеристики природных начал. Инстинкты общительности, по его убеждению, привели к образованию групп и к сотрудничеству между ними, они имеют древние, биологические корни, а человек — это социальное животное, которое стремится к кооперации и сотрудничеству. Общество, прилагая усилия для создания условий, способствующих кооперации и взаимной поддержке людей, может и должно создавать более справедливые и моральные условия для своих членов. Следовательно, натуралистическая этика Кропоткина сочетает в себе природно-биологические и социальные факторы, способствующие созданию социума на принципах «свободы, справедливости

и солидарности». А коллективность (общинность) для него как анархоколлективиста есть характеристика социального, вытекающая из единства и взаимообусловленности Природы и Общества.

Основой исследовательской методологии Кропоткина было также убеждение в значении идеалов справедливости, равенства и взаимной помощи в построении светского общества, которое ставит своей целью достижение прогресса «в области искусств, промышленности и науки». Для него поиск истины должен осуществляться через скрупулезное изучение и анализ природных и социальных явлений, а не через мистические откровения. Кропоткин не отвергал также идею, как он писал, «самоутверждения индивидуума» [4, с. 241], но считал, что лучшая стратегия для общества заключается в том, чтобы люди работали вместе и помогали друг другу, а не боролись между собой за личное благополучие. Итак, «забота о себе», что является одной из парадигм постмодерна, входила в учение Кропоткина, но имела несколько иное смысловое оформление. Для М. Фуко «забота о себе» есть этическое предписание, которое направлено на формирование индивидуального в человеке, на провозглашение личностных начал как ведущих онтологических. В истории европейской культуры, подчеркивал Фуко, эта «забота о себе» вылилась в содержательные моменты античного (языческого) образа жизни и эстетического мировосприятия. На смену данной этической установке впоследствии приходит «отказ от себя», связан он был с христианским аскетизмом, суровыми порядками монашеского образа жизни и практиками религиозного самоограничения. Таким образом, парадигма «заботы о себе» у Фуко входит в сферу преимущественно духовно-религиозного, она достаточно отчуждена от сферы социального. В работе «К генеалогии этики» Фуко указывал на оппозицию античной культуры, ориентированной на человека, и христианства, заикнувшегося на необходимости «отказа от себя», т. е. на эстетике монастырского уклада жизни. Фуко говорит: «Что меня изумляет, так это то, что в рамках древнегреческой этики люди гораздо больше интересовались своим моральным поведением, своей этикой, своими взаимоотношениями с собой и другими, нежели религиозными проблемами. ...И вот я спрашиваю, разве наша сегодняшняя проблема не похожа в чем-то на эту, поскольку большинство из нас больше не верит в то, что этика основывается на религии» [5, с. 137].

Основополагающее понятие в социально-натуралистической этике Кропоткина — «инстинкт общительности». Как ученый-естествоиспытатель он внимательно исследовал особенности инстинктивной деятельности в природе, анализировал фактические данные, предлагая соответствующие принципы и правила, которые могут применяться для улучшения общественных и жизненно-бытовых условий людей. Он делал упор на естественность для человека любви к жизни и природе, чтобы убедить людей, что основой их существования являются все же сотрудничество и справедливость, а не конкуренция и социальный атомизм. Кропоткин считал, что развитие этих идей должно происходить вместе с ростом научных методов и знаний для достижения наибольшего успеха в создании справедливого и равноправного общества [6, с. 301]. Следовательно, методология ученого затрагивала не только конкретные методы исследования и анализа данных, но и более широкое видение общества и его ценностей.

Подход социального философа к исследованию общественных условий был неразрывно связан с убеждением в том, что теоретическое познание и эмпириче-

ские наблюдения могут служить основой для создания более справедливого и равноправного социума. По Кропоткину — это идеал анархоколлективизма. Он верил, что взаимодействие индивидуального и социального в человеке — это диалектика, которая определяет развитие личности и общества в целом. В своих трудах он подчеркивал, что индивидуальность и социальность — это две стороны одной медали, взаимодействующие друг с другом и определяющие поведение и развитие человека. С одной стороны, каждый человек уникален и обладает своей индивидуальностью. Неповторимыми в человеке являются особенности характера, интеллекта и эмоций. Индивидуальность формируется не только в результате природных факторов, но и под воздействием социальной среды, культуры и общественных институтов. С другой стороны, человек — это социальное животное, которое не может существовать вне общества. Он принадлежит к определенной группе, семье, сообществу и культуре, которые определяют его поведение, стиль жизни, убеждения и духовные ценности. Кропоткин считал, что социальное окружение формирует личность, но именно индивидуальность и неповторимость человека может изменять общество и радикально влиять на его развитие и трансформации.

Основными особенностями натуралистической этики Кропоткина являются [7, с. 270–271]:

1. Акцент на этике сотрудничества и взаимопомощи. Философ считал, что этика, базирующаяся на сотрудничестве и взаимопомощи, имеет своим источником «инстинкт общительности». Он характерен для биологической природы живых существ, а множество примеров сотрудничества и взаимопомощи мы находим в поведении социальных насекомых, обезьян и дельфинов.

2. Утверждение о том, что этика как социокультурное явление не противопоставляется инстинктам и естественным потребностям человека. Для Кропоткина социальная ценность солидарности и взаимопомощи соответствует человеческим потребностям, помогает им развиваться и укрепляться.

3. Акцент на справедливости и равноправии. Кропоткин придавал решающее значение принципу справедливости в формировании анархоколлективистского идеала. Справедливость для него вытекает из естественной природы человека.

4. Акцент на значимости индивида в деле изменений культуры и социальных отношений. Кропоткин считал, что каждый человек вносит свой вклад в общественную жизнь и культуру.

Характеризуя начала натуралистической этики Кропоткина, мы поддерживаем вывод современного автора, который пишет, что его фундаментальная этика акцентирует внимание на связи нравственно-этических ценностей и моральных норм с естественным миром, раскрывает причины их появления и развития в социальных системах, а также выступает за этику сотрудничества и взаимопомощи, справедливости и равноправия [8, с. 148].

В этом контексте Кропоткин высоко оценивал труды французского мыслителя Пьера-Жозефа Прудона, для которого проблема справедливости стала центральным звеном этики. Прудон как политический философ и социолог XIX в. по праву считается одним из основателей анархистского движения. По Прудону, современное ему государство и буржуазные отношения стали причиной социальной несправедливости и бедности. Основная задача этики, согласно Прудону, — это создание справедливой организации общества, где каждый имеет доступ к ресурсам

и избавлен от эксплуатации другими. В его теории право частной собственности на землю и средства производства является основным источником социального неравенства. Поэтому Прудон доказывал необходимость учреждения коллективной собственности в экономической сфере общественной жизни, где право на землю и средства производства должно стать общедоступным [9, с. 24].

Кропоткин как сторонник идеологии коммуитаризма Прудона считал, что общество может существовать без государственного насилия, но вместе с тем не может обойтись без организации и децентрализованного управления. Он призывал к организации социума на основе коллективного духа и самоорганизации народа. Самоуправление, по Кропоткину, как форма прямого народовластия выражает суть социалистической идеи, в которой возможность равновесия между индивидуальными и общественными интересами выступает основополагающей. Приверженность Кропоткина в юную пору как народника-семидесятника идее господства коллективной (общинной) собственности ставит его естественным продолжателем идей А. И. Герцена о специфике «русского социализма» [10, с. 17–24].

Имеются точки соприкосновения принципов натуралистической этики Кропоткина с и идеями «нового гуманизма» Альберта Швейцера. Это отразилось в программном очерке «Мировоззрение благоговения перед Жизнью». Швейцер констатирует в духе идеалов природности человека, что инстинкты есть выражение существенной связи человека и мира. Онтология Швейцером сводится к принципу универсальности воли к жизни. Для него смысл человеческого бытия определяется волевыми устремлениями человека как субъекта общественных отношений. Они оба — и Кропоткин, и Швейцер — воздействовали на развитие гуманистических идей в этике и гуманитарных науках в целом. Натуралистическая этика стала одной из фундаментальных этик конца XIX — начала XX в.

Этика Кропоткина исходила из природных корней нравственных чувств индивида. Это соответствовало европейской традиции социального гуманизма (Прудон, Гюйо и др.). Жан Мари Гюйо в своих работах выступал за идею справедливости и общественного строя, основанного на правильном воспитании нравственности людей. Он считал, что каждый человек обладает врожденными нравственными чувствами, которые он способен развивать и усиливать в социальном окружении. Гюйо — один из разработчиков концепции социального альтруизма как способности человека к нравственному поступку за счет наличия у него «избыточной жизненной силы». Кропоткин же считал, что альтруизм — это выражение внутренней потребности человека в помощи другому, желание совершенствовать общество и реализовывать свои индивидуальные и общественные потребности через «начала взаимной помощи». Кропоткин подчеркивал, что человек является социальным существом и способен действовать в интересах не только своих собственных, но и всего общества. Альтруизм — это осознание своей силы и возможности помочь другим, укрепить социальные связи и совместно достичь общих целей. Исследователи воззрений Гюйо приписывают ему формулировку альтруизма как осознания индивидом имеющейся у него силы [11, с. 64–65]. Однако этот принцип активно разрабатывался многими социальными философами, в том числе и Петром Кропоткиным, который выступал за создание более справедливого и коллективистского общества, основанного на принципах взаимопомощи и совместного действия. Его работа над трудом «Этика» стала завершением процесса формирования тео-

рии отечественного анархокоммунизма, стержнем которой являлось утверждение о том, что люди имеют естественную, природообусловленную склонность к сотрудничеству и взаимопомощи.

Социально-религиозные основания морального утилитаризма

Л. Н. Толстого

Лев Николаевич Толстой — великий русский писатель, религиозный реформатор и философ-моралист. Сегодня наиболее важным в воспитательном аспекте является литературное творчество Толстого и его философско-этическое наследие. Среди публицистических трудов Льва Николаевича, а они занимают добрую половину академического издания 90-томного собрания сочинений, приоритетное значение в данном аспекте представляют такие произведения, как «Соединение и перевод четырех Евангелий» (1880–1881), «Краткое изложение Евангелия» (1881), «В чем моя вера» (1884), «Так что же нам делать?» (1885) и ряд других. Толстой выстраивал свою собственную теорию морального утилитаризма на базе сложившихся социально-религиозных убеждений, позиционируя себя как христианский реформатор. Он считал, что человек должен жить и строить систему этических представлений в соответствии с принципами морали и братства, любви и ненасилия.

Краеугольным камнем этической философии Толстого стали принципы невозмутимости (ненасилия и неделания) и любви к ближнему. Толстой считал, что они являются основой морали и должны быть направлены на преодоление государственного насилия и социальной несправедливости. Великий писатель в экономической сфере был принципиальным противником частной собственности на землю. Известны его высказывания о том, что торговля землей равносильна для человека торговле телом собственной матери. Толстой поэтому был сторонником коммунитарного общества, основанного на духовном братстве людей и уважении к их правам и свободам. В социальном плане Толстой выступал также против прогосударственных религиозных и политических догм и призывал к созданию экономически равноправного общества [12, с. 190–191].

Одним из мыслителей новоевропейской культуры, предшествовавших этике морального утилитаризма Толстого, является Бернард Мандевиль. Взгляды этого философа и писателя-сатирика были в свое время изложены в художественной форме в книге «Басня о пчелах» [13]. Мандевиль считал, что моральные оценки, которые люди дают своим действиям, определяются только их отношением к природе и социальным связям. Философ полагал, что индивидуальный интерес оказывает свое влияние на общественную полезность, но наилучшей формой развития общества является максимизация. Толстой, согласно концепции максимизации общественной пользы, стремился сформулировать такие идеи, которые смогли бы сделать жизнь людей достойной во всех отношениях. Он считал, что общественная полезность и, соответственно, благополучие индивида должны быть главной целью в деле нравственного развития. Призывая людей к альтруистической деятельности ради общественной пользы, Толстой отталкивался от постулатов этики морального утилитаризма. Следовательно, можно сделать вывод, что Мандевиль был одним из предшественников идеологии морального утилитаризма, а Толстой использовал

его идеи в своем социальном реформаторстве. Но для самого Толстого его концепция не стала чисто утилитаристской, в ней имеются некоторые особенности.

Во-первых, ведущей ценностью социокультурного характера, по Толстому, является развитие духовного мира человека. Он считал, что истинная культура должна способствовать формированию личности, которая живет в соответствии с высшими духовными ценностями и моральными нормами. Толстой признавал важность образования, но он считал, что значительно важнее совершенствование ума и души человека, а культура должна учитывать духовные потребности человека.

Во-вторых, Толстой придавал огромное воспитательное значение художественной культуре и педагогике. Искусство, по его мнению, должно быть общедоступно и способно к раскрытию творческого потенциала личности. Он писал, что оно должно учить людей красоте, духовности и морали и способствовать развитию внутреннего мира каждого человека [14, с. 386].

В-третьих, по Толстому, цивилизованное общество его времени направлено на сферу материального, поэтому оно прагматично и утилитарно. Его моральный утилитаризм значим не столько в плане социальном, сколько в плане нравственном. В его интерпретации духовная культура рационалистична, состоит в нравственном «опрощении». Это роднит взгляды Толстого с бытующей уже в те времена философией утилитаризма. Полезность как главная социальная ценность утилитаризма понималась в западной философии как синтез удовольствий общественной группы и индивида. Этики утилитаризма придерживались многие деятели европейской культуры времени модерна, в частности А. Смит, Дж. Бентам и Д. С. Милль.

Адам Смит в своих трудах ставил в центр внимания интересы общества и индивидуальных людей. Он считал, что моральные нормы должны определяться тем, что приносит благо «наибольшему числу людей». Смит предполагал, что рынок, правда неосознанно, приводит к росту общественного благосостояния и способствует развитию социума. Джереми Бентам был более радикален в своих взглядах. Он полагал, что цель всех усилий — достижение наивысшей степени счастья наибольшего числа людей. Бентам разработал свой подход к морали, который основывался на максимизации общественной пользы, поскольку любые действия нужно оценивать на основе их вклада в общее благо. Джон Стюарт Милль считал, что моральные принципы нужно оценивать на основе того, насколько они способствуют счастью человечества. Милль утверждал, что моральные нормы должны игнорировать интересы отдельных групп людей и индивидуумов, ибо всеобщее благо должно стать превыше всего. Таким образом, эти авторы разработали свои собственные варианты утилитаризма и перенесли их на область этики и моральной философии.

В целом идеи морального утилитаризма Толстого опирались на богатое европейское философское наследие, и в этом контексте они разительно отличаются от методологических позиций постмодерна, который в отношении предшествовавшего теоретического опыта стоит на точке зрения прерывания постепенности. Фуко в апреле 1983 г. говорил в своем интервью «О генеалогии этики: обзор текущей работы»: «Нынешние освободительные движения страдают от того, что не способны отыскать принцип, на основе которого можно было бы построить *новую этику* (выделено нами. — Авт.). Им нужна этика, но они могут найти лишь этику, опирающуюся на так называемые научные знания о том, что такое Я, что такое желание, что такое бессознательное и т. п.» [5, с. 137]. Акцент делается на «так на-

зывается научное знание», т. е. на теоретические позиции философии жизни, философии и этики психоанализа и другие концепции девятнадцатого — двадцатого веков. Для Фуко это устаревшее знание, и суть постмодерна в этом вопросе — отказ от него, или, говоря современным языком, «культура отмены». Это коррелируется с определением постмодернизма белорусским коллегой М. А. Можейко, который пишет, что это «понятие, используемое современной философской рефлексией для обозначения характерного для культуры сегодняшнего дня типа философствования, содержательно-аксиологически дистанцирующегося не только от классической, но и от неклассической традиций» [15, с. 778].

Классический постмодерн представлен работами Мишеля Фуко, Ролана Барта, Жана Бодрийера, Жилия Делёза, Жака Дерриды, Пьер-Феликса Гваттари, Жан-Франсуа Лиотара, Мориса Мерло-Понти, Умберто Эко и др. В их концепциях вводились и разрабатывались категориально-понятийный аппарат постмодернизма, такие термины, как «ризома», «симулякр», «текст», «сексуальная свобода», «био-власть», «телесность» и др. Отметим, что, например, понятие «текст» разрабатывалось задолго до эпохи постмодерна, приоритетность принадлежит герменевтическому подходу к культуре, а одним из наиболее известных авторов, исследовавших его, был немецкий богослов Фридрих Даниэль Эрнст Шлейермахер. Однако своеобразное развитие постмодернистского содержания этих понятий произошло лишь в первой четверти XXI в.

Укажем в качестве примера терминов, подвергшихся трансформации, «крайний феминизм» и «сексуальная свобода». Они коснулись и вошли в систему современных западных ценностей как ЛГБТ или ГЛБТ, т. е. обозначение претензий сексуальных меньшинств (лесбиянки, бисексуалы, трансгендеры, гомосексуалисты) на общественное и институциональное признание. Такая еще в недавнем прошлом форма социальных преступлений, как педофилия, с подачи современных последователей постмодерна стала признаваться как психическое расстройство, болезнь. Что же можно сказать — с точки зрения «новых этик» это вполне приемлемо и даже терпимо.

Интересная метаморфоза произошла с понятием «био-власть», которое разрабатывал Фуко. Современный автор пишет, что, по Фуко, «главное требование этой власти — это безопасность, т. е. полный контроль над населением, включая предотвращение вероятностных событий, а значит, включение не только наказания в аппарат власти, но и включение в него профилактики преступлений. Био-власть... призвана контролировать население» [16, с. 157]. Сегодня, в условиях противостояния России и коллективного Запада, этот «контроль над населением» стал пониматься как прокси-войны, т. е. военные действия чужими руками на территории третьих стран. Но для этого, согласно концепции прокси-войн, необходимо контролировать сознание и поведение населения, на территории которого ведутся военные действия, способствовать коренному изменению ценностного мира целых этносов.

Возвращаясь к основным особенностям социально-религиозных оснований морального утилитаризма Толстого, можно выразить ценностные ориентиры с опорой на его труд «Краткое изложение Евангелия»:

- 1) религиозная основа;
- 2) направленность на благо общества;
- 3) универсальность моральных принципов [17, с. 839].

Как указывал авторитетный советский историк философии Валентин Фердинандович Асмус (1961), Толстой переводил социальные вопросы в область нравственной, личностной и духовной сферы, акцентируя внимание на установление связи между этическими ценностями и государственным насилием. Поэтому он призывал людей стремиться к совершенствованию своих душевных качеств, чтобы победить насилие и создать справедливое и гуманное общество [18, с. 71]. Этическая и социальная концепция Толстого в целом была основана на принципах философии ненасилия. Известный тезис Ивана Александровича Ильина — сопротивление злу силой — опирался на идею о победе над злыми усилиями души человеческой. Здесь тождество воззрений Толстого и Ильина очевидно. Однако Ильин указывал на такой настрой толстовских идей, как олицетворение культуры, которая постепенно дехристианизировалась и уже перестала быть существенно христианской [19]. Такое представление господствовало в российской культуре Серебряного века, берущего начало от идеи «нового религиозного сознания» старших символистов (Мережковский, Белый, Гиппиус и др.), или «неохристианства» по Бердяеву.

В толстовском понимании культуры существенны:

1. Нравственный аспект. Для Толстого культура должна быть не просто набором знаний, но искусством выживания и развития духовного мира человека. Она обязана способствовать формированию личности, которая живет в соответствии с высшими нравственными стандартами и принципами, однако, оказавшимися забытыми в его время.

2. Гуманистический аспект. Культура по характеру своему гуманистична и направлена на благо человека. Она способствует развитию творческого потенциала личности, который, как утверждал Толстой, оказался не востребовавшимся.

3. Доступность и универсальность. Для Толстого культура должна быть общедоступной. Доступность к ней обязана быть независимой от социального статуса человека, его пола, расы и т. д. Культура универсальна и выполняет роль связующего звена в обществе. Однако современная ему культура в этом плане — культура элитарная.

4. Художественный аспект. Культура, по Толстому, несет с собой гармонию, красоту и изящество. Он считал, что искусство является неотъемлемой частью культуры и должно быть направлено на развитие духовности личности. Это также не было востребовано современным ему социумом, зафиксированным на материальных основах.

5. Практический аспект, который состоит как в рациональности, так и иррациональности достижений культуры, ее направленности в социальную сферу.

Последнее хорошо иллюстрируется влиянием публицистики Толстого на формирование мировоззрения толстовства. Оно было основано на принципах раннехристианской морали, так называемого внецерковного, общинного христианства. Толстой считал, что истина христианства заключается в учении о любви к ближнему, которая должна определять поступки и отношения людей в любой жизненной ситуации. Как подчеркивал С. Венгеров, согласно Толстому, христианство не должно быть религией, основанной на верованиях и ритуалах, а скорее системой нравственных принципов, которые обуславливают духовные убеждения и поведение людей в жизни [20, с. 456].

В центре толстовства как учения стояло понятие «внутреннего» и «внешнего» христианина. Всякий человек обязан стать «внутренним» христианином, т. е. человеком, который живет в соответствии с традиционными русскими ценностями любви, справедливости и уважения к ближнему. Толстой полагал, что такой тип христианина обладает достаточным духовным богатством, чтобы передавать свои знания и опыт другим людям [21, с. 48]. Этико-религиозное учение Толстого стало системой убеждений, основанных на принципах христианской морали и направленных на личное духовное совершенствование каждого человека. Толстовцы в соответствии с этикой русского реформатора стремились к формированию общества на основе принципов открытости, духовного совершенства и равноправия. Все эти принципы, утверждал Толстой, подтверждают лишь простую истину, что современное ему общество имеет культуру как форму обслуживания меньшей своей части.

Заключение

Отметим характеристики сопоставительного анализа фундаментальных этик русских мыслителей рубежа XIX–XX столетий и западной философской мысли последней четверти XX в. в лице представителей постмодерна.

Во-первых, коллективистско-натуралистическая этика П. А. Кропоткина и концепция морального утилитаризма Л. Н. Толстого с полным правом могут трактоваться как этики фундаментального характера. Философские обобщения, которые лежат в основе этих теорий, носят общечеловеческий характер. Они затрагивают фундаментальные проблемы взаимодействия природы и общества, человека и социума, социального и индивидуального.

Во-вторых, основные понятия, разработанные в контексте натуралистической этики Кропоткина (взаимопомощь и взаимодействие, социальная эволюция и альтруизм, солидарность и самоорганизация) и морального утилитаризма Толстого (общественное благо и социальная польза, государственное насилие и индивидуальное неделание, ненасилие и любовь), соответствуют отечественным духовным ценностям. Корреляция этих ценностных систем базируется на феноменах православной соборности, коллективности и общинности, взаимной помощи и поддержке.

В-третьих, теоретические разработки в области «новых этик», которые сформировались в результате анализа философии языка, социальных и властных отношений, гендерных проблем и др. с позиций постмодернизма сегодня, в первой четверти XXI в., стали основой так называемой современной западной системы ценностей. Перечислим их основополагающие константы: культура отмены, феминизм, доходящий до крайних форм, сексуальные свободы и пр. Они принципиально несовместимы с отечественными моральными нормами и нравственно-этическими ценностями.

Литература

1. Артемов, В. М. (2005), П. А. Кропоткин как философ: нравственность и свобода в контексте социального идеала, в: *Петр Алексеевич Кропоткин и проблемы моделирования историко-культурного развития цивилизации: материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург-Москва-Дмитров, 09–12 декабря 2002 г.)*, СПб.; М.; Дмитров: Соларт, с. 224–230.

2. Длугач, Т. Б. (2022), Александр Койре и новая историография науки, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, т. 38, вып. 1, с. 4–18.

3. Кропоткин, П. (1922), *Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса*, СПб.; М.: Голос труда.
4. Кропоткин, П. (2011), *Взаимопомощь как фактор эволюции*, М.: Самообразование.
5. Фуко, М. (2008), О генеалогии этики: обзор текущей работы, *Логос*, № 2 (65), с. 135–158.
6. Кропоткин, П. А. (1991), *Этика: Избранные труды*, М.: Политиздат.
7. Кропоткин, П. А. (1991), Справедливость и нравственность, в: Кропоткин, П. А., *Этика: Избранные труды*, М.: Политиздат, с. 270–271.
8. Филатова, Е. В. (2012), Этика как основа философии П. А. Кропоткина, в: *Петр Алексеевич Кропоткин: сб. статей*, М.: РОССПЭН, с. 130–155.
9. Кропоткин, П. (1921), *Речи бунтовщика*, Пб.; М.: Голос труда.
10. Арефьев, М. А. и Давыденкова, А. Г. (2013), Александр Иванович Герцен: 200 лет основоположнику «русского социализма», в: *Культура и образование в XXI веке: материалы межвузовской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 24–26 января 2013 г.)*, СПб.: СПбГАУ, с. 17–24.
11. Гюйо, Ж. М. (1923), *Нравственность без обязательства и без санкций*, М.: Голос труда.
12. Толстой, Л. Н. (1957), Соединение и перевод четырех Евангелий, в: Толстой, Л. Н., *Полное собрание сочинений*: в 90 т., т. 24, М.: Художественная литература, с. 7–800.
13. Мандевиль, Б. (1974), *Басня о пчелах*, М.: Мысль.
14. Толстой, Л. Н. (1938), Что же нам делать?, в: Толстой, Л. Н., *Полное собрание сочинений*: в 90 т., т. 25, М.: Художественная литература, с. 182–411.
15. Можейко, М. А. (2003), Постмодернизм, *Новейший философский словарь*, 3-е изд., Минск: Книжный Дом, с. 778–781.
16. Фролов, А. А. (2019) Субъект и субъективация в ситуации биополитики: Фуко и Рансьер, *Манускрипт*, т. 12, вып. 11, с. 156–163.
17. Толстой, Л. Н. (1938), Краткое изложение Евангелия, в: Толстой, Л. Н., *Полное собрание сочинений*: в 90 т., т. 24, М.: Художественная литература, с. 801–940.
18. Асмус, В. Ф. (1961), *Мировоззрение Толстого*, кн. 1, М.: Изд-во АН СССР, с. 35–102. URL: <http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/l691/ln1-035-.htm> (дата обращения: 04.08.2022).
19. Ильин, И. А. (2004), *Основы христианской культуры; Путь духовного обновления*, СПб.: Шпиль.
20. Венгеров, С. (1901), Толстой, *Энциклопедический словарь*, т. XXX, СПб., с. 456.
21. Франк, С. Л. (1990), *Фр. Ницше и этика «Любви к дальнему»*, Сочинения, М.: Правда, с. 9–64.

Статья поступила в редакцию 25 сентября 2023 г.;
рекомендована к печати 26 апреля 2024 г.

Контактная информация:

Арефьев Михаил Анатольевич — д-р филос. наук, проф.; ant-daga@mail.ru
Давыденкова Антонина Гилеевна — д-р филос. наук, проф.; ant-daga@mail.ru
Коваленко Наталья Геннадьевна — канд. филос. наук, доц.; nataly6707@mail.ru

Fundamental Ethics of P. A. Kropotkin and L. N. Tolstoy and the “New Ethics” of Postmodernism

M. A. Arefiev, A. G. Davydenkova, N. G. Kovalenko

St. Petersburg State Agrarian University,
2, Peterburgskoye shosse, Pushkin, St. Petersburg, 196601, Russian Federation

For citation: Arefiev M. A., Davydenkova A. G., Kovalenko N. G. Fundamental Ethics of P. A. Kropotkin and L. N. Tolstoy and the “New Ethics” of Postmodernism. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2024, vol. 40, issue 2, pp. 244–257. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.206> (In Russian)

The purpose of this article is to analyze the moral and ethical concepts of Kropotkin and Tolstoy, that became the fundamental ethics of Russian social thought in the early twentieth century. The significance of these ethics is essential for the resolution of contemporary socio-cultural

problems pressing on Russian statehood in the post-Soviet era. The crisis in the spiritual sphere of Russian society has forced the issues of preserving traditional values through legislative acts and decrees. The aim of this study is to identify the cultural and philosophical foundations of ethical concepts of Russian thinkers using established paradigmatic approaches. The division of ethics into fundamental and applied, i.e. professionally oriented, is the methodological basis of our study. The novelty of the article lies in the fact that the thesis of super-relevance of Kropotkin's and Tolstoy's fundamental ethics today in the context of the crisis of traditional values that has embraced the whole post-Soviet space, including Russia, is argued. One of the leading developers of the concept was the postmodernist Michel Foucault, who argued that freedom is an ontological condition of ethics. Ethics is the form that freedom takes in different socio-economic and political contexts. The general conclusion is that the main line for the ethical outlook of Kropotkin and Tolstoy was their social sharpening, which today can be seen as the antithesis of postmodernist values. For Kropotkin, the social orientation of ethics was ensured by the universality of the principle of mutual help and support in Nature and Society. For Tolstoy, it is rationalistically justified and based on the principles of solidarity and justice, based on the Christian precepts of the beatitudes. Tolstoy's moral utilitarianism rested on the idea of the universality of the principle of non-violence in social life, on the philosophy of the social good.

Keywords: fundamental and professional ethics, postmodern 'new ethics', self-care, ethics as a practical philosophy, Kropotkin's naturalistic ethics, Tolstoy's moral utilitarianism, the social orientation of fundamental ethics.

References

1. Artemov, V. M. (2005), P. A. Kropotkin as a philosopher: morality and freedom in the context of the social ideal, in: *Petr Alekseevich Kropotkin i problemy modelirovaniia istoriko-kul'turnogo razvitiia tsivilizatsii: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg-Moskva-Dmitrov, 09–12 dekabria 2002 g.)*, St Petersburg, Moscow and Dmitrov: Solart Publ., pp. 224–230. (In Russian)
2. Dlugach, T. B. (2022), Alexander Coiret and the new historiography of science, *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 38, iss. 1, pp. 4–18. (In Russian)
3. Kropotkin, P. (1922), *Mutual aid among animals and humans as an engine of progress*, St Petersburg and Moscow: Golos truda Publ. (In Russian)
4. Kropotkin, P. (2011), *Mutual aid as a factor of evolution*, Moscow: Samoobrazovanie Publ. (In Russian)
5. Foucault, M. (2008), On the genealogy of ethics: a review of current work, *Logos*, no. 2 (65), pp. 135–158. (In Russian)
6. Kropotkin, P. A. (1991), *Ethics: Selected Writings*, Moscow: Politizdat Publ. (In Russian)
7. Kropotkin, P. A. (1991), *Justice and morality*, *Ethics: Selected Writings*, Moscow: Politizdat Publ., pp. 270–271. (In Russian)
8. Filatova, E. V. (2012), *Ethics as the Basis of P. A. Kropotkin's Philosophy*, Moscow: ROSSPEN Publ., pp. 130–155. (In Russian)
9. Kropotkin, P. (1921), *Speeches of a rebel*, St Petersburg and Moscow: Golos truda Publ. (In Russian)
10. Aref'ev, M. A. and Davydenkova, A. G. (2013), Alexander Ivanovich Herzen: 200 Years of the Founder of "Russian Socialism", in: *Kul'tura i obrazovanie v XXI veke: materialy mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 24–26 ianvaria 2013 g.)*, St Petersburg: SPbGAU Publ., pp. 17–24. (In Russian)
11. Guyau, J.-M. (1923), *Morality without obligation and without sanctions*, Moscow: Golos truda Publ. (In Russian)
12. Tolstoy, L. N. (1957), Connecting and translating the four Gospels, in: Tolstoy, L. N., *Collected writings*, in 90 vols, vol. 24, Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ. pp. 7–800. (In Russian)
13. Mandeville, B. (1974), *Fable of the Bees*, Moscow: Mysl Publ. (In Russian)
14. Tolstoy, L. N. (1938), What shall we do?, in: Tolstoy, L. N., *Collected writings*, in 90 vols, vol. 25, Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., pp. 182–411. (In Russian)
15. Mozhejko M. A. (2003), *Postmodernizm, Noveishii filsofskii slovar'*: 3rd ed., Minsk: Knizhnyi Dom Publ., pp. 778–781. (In Russian)

16. Frolov, A. A. (2019) Subject and subjectivation in the situation of biopolitics: Foucault and Rancière, *Manuscript*, vol.12 (11), pp. 156–163. (In Russian)
17. Tolstoy, L. N. (1938), Summary of the Gospel, in: Tolstoy, L. N., *Collected writings*, in 90 vols, vol. 25, Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., pp. 801–940. (In Russian)
18. Asmus, V. (1961), *The worldview of Tolstoy*, Moscow: AS USSR Publ., 1, pp. 35–102. Available at: <http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/l691/ln1-035-.htm> (accessed: 04.08.2022). (In Russian)
19. Ilyin, I. (2004), *Fundamentals of Christian Culture; the Path of Spiritual Renewal*, St Petersburg: Shpil' Publ. (In Russian)
20. Vengerov, S. (1901), Tolstoy, in: *Encyclopaedic Dictionary*, St Petersburg, p. 456. (In Russian)
21. Frank, S. L. (1990), Fr. Nietzsche and the ethics of “Love for the distant”, in: Frank, S. L., *Essays*, Moscow: Pravda Publ., pp. 9–64. (In Russian)

Received: September 25, 2023

Accepted: April 26, 2024

Authors' information:

Mikhail A. Arefiev — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; ant-daga@mail.ru

Antonina G. Davydenkova — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; ant-daga@mail.ru

Natalya G. Kovalenko — PhD in Philosophy, Assistant Professor; nataly6707@mail.ru